

УДК 330.101.2

Мирясов Ю.А.*кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономической теории
и экономических методов управления**Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина*

КРИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ И ОНТОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

В статье рассматривается связь между глубинными онтологическими основаниями и их теоретическим отражением в экономической теории. Раскрывается ограниченность онтологии эмпирического реализма, лежащего в основе современной неоклассики. Альтернативой может служить концепция многоуровневой онтологии, отражающей стратифицированную реальность, разработанная философией критического реализма. Данный подход предлагает необходимые методологические основания для глубокого и всестороннего исследования процессов социально-экономического развития.

Ключевые слова: онтология, эмпирический реализм, критический реализм, структуры, механизмы, дедуктивизм, открытые системы.

Мирясов Ю.О КРИТИЧНИЙ РЕАЛІЗМ ТА ОНТОЛОГІЯ ЕКОНОМІЧНОЇ НАУКИ

У статті розглянуто зв'язок між глибинними онтологічними основами та їх теоретичним зображенням в економічній теорії. Розкривається обмеженість онтології емпіричного реалізму, що належать до сучасної неокласики. Альтернативою може бути концепція багаторівневої онтології, що зображає стратифіковану реальність, сформована філософією критичного реалізму. Такий підхід дає необхідні методологічні підстави для глибокого й усебічного дослідження процесів соціально-економічного розвитку.

Ключові слова: онтологія, емпіричний реалізм, критичний реалізм, структури, механізми, дедуктивізм, відкриті системи.

Miriasov Y.A. CRITICAL REALISM AND ECONOMIC ONTOLOGY

The article deals for the idea that there are deep interconnections between the notions of ontology and theoretical reflexivity. It argues insufficiency ontology empirical realism underlying the economic orthodoxy. Critical realism asserts need for a multi-domain depth ontology with the argument that reality is stratified and offers the most suitable research methodological framework for addressing dynamic complex issues of economic development.

Keywords: ontology, empirical realism, critical realism, structures, mechanisms, deductivism, open systems.

Постановка проблеми. В основе любой серьезной экономической концепции заложено изначально или формируется в ходе ее развития понимание сути исследуемых явлений, представление о той картине мира, которая отображена в теории – ее онтология. Онтологические проблемы современной экономической теории, следующей преимущественно в русле неоклассического мейнстрима, приобрели актуальность в связи с большим применением в экономической науке формальных методов исследования и отрывом теории от реальности.

Анализ последних публикаций и исследований. В ряду наиболее заметных исследований, посвященных онтологическим основаниям экономической науки, выделяются работы российских экономистов и методологов О. Ананьина, И. Болдырева, О. Субетто, В. Степина, В. Чекмарева, среди публикаций отечественных ученых – Т. Решетняк, Е. Стрижак. Однако данная проблематика по большому счету находится на периферии интересов украинских ученых. Ведущая роль здесь принадлежит западной экономической и философской мысли, где с конца XX в. развернулась очередная и весьма значительная дискуссия, посвященная тенденциям развития экономической теории и методологии. Одним из направлений, представивших в контексте этой дискуссии свою концепцию научной онтологии, является критический реализм, получивший свое начало в философских исследованиях Р. Бхаскара, а затем М. Арчер, Т. Лоусона, А. Колье, А. Сойера, У. Мяки.

Целью статьи является рассмотрение роли онтологических оснований современной экономической теории и анализ основных положений концепции критического реализма как альтернативного видения наукой своего поля научного исследования.

Изложение основного материала исследования. Современное представление о научной онтологии

тесно связано с той картиной мира, которая существует в умах ученых, с принципами исследования, лежащими в основе теоретических схем и конструкций, отражающих реальность, с эмпирическими фактами, которые попадают в поле зрения и на изучение которых направлено внимание исследователя. В целом онтологию можно охарактеризовать как представление о бытии, определяющее реальность и порядок вещей, системно-структурные характеристики предмета соответствующей науки.

Ростом внимания к проблеме онтологии современная наука во многом обязана У. Куайну, работы которого, начиная с эссе «С точки зрения логики» (1953 г.), обращают внимание на решающую роль онтологических обязательств в создании как научных, так и философских теорий. Утверждая, что рассуждения по поводу устройства мира не прихоть, а скорее неотъемлемая часть успешной научной практики, он формулирует тезис онтологической относительности, в соответствии с которым наше знание об объектах, обусловлено теми научными теориями, которые мы используем, а предпочтение одних картин онтологии над другими объясняется исключительно мотивами удобства и простоты [1]. Ранее термин «онтология», введенный в философскую терминологию в XVII в., представлял собой подкатегорию более широкой области метафизики. Подобное понимание онтологии берет свое начало в учении античных философов, согласно которому постижение реального (сущего) возможно лишь путем созерцания (рассмотрения) идеальных объектов и формирования о них определенного знания [2]. За этими идеальными объектами кроются абстрактные образы, которые могут лишь приблизить к сущности, но не понять ее. А значит, реальность метафизична, в принципе, непостижима. Этот тезис об ограниченности познания и множественности картин реальности тем или иным способом описывается в философии.

Вот как эта проблема формулируется Г. Риккертом в рамках неокантианской философии: «Познать мир, представляя себе все единичные формы – задача, принципиально неразрешимая для конечного человеческого духа. Всякая попытка в этом направлении была бы бессмысленна, ибо, каким бы значительным мы ни предположили число единичных форм <...> им противостояло бы более необозримое, бесконечное многообразие неизвестных вещей и процессов, при этих предположениях никогда нельзя было бы говорить о прогрессе в познании мира. Стало быть, тот, кто под познанием мира понимает действительное отображение мира, заранее должен отказаться от науки, которая хотя бы только приближалась к познанию мирового целого» [3, с. 84].

Таким образом, проводится грань между реальным, существующим порядком вещей и действительным, нашим представлением о нем. Поэтому познание вынуждено прибегать к абстрагированию, а значит, является, по мнению Риккерта, избирательным. Этот вывод позволил ученому сформулировать положение о двух принципах отражения реального в знании.

Первый принцип – это формирование категорий на основе существующих общих признаков, характеризующих совокупность рассматриваемых явлений. Эти категории являются онтологическими, отражая ключевые моменты реальности в сознании. Другой принцип – это образование понятий и категорий, выделяющих конкретную специфику явления среди ему подобных. Такие категории, являясь индивидуальными, связывают онтологию с наблюдаемой реальностью. Поэтому практически каждая, значимая научная школа или научное направление – это отдельная онтология, отражающая фрагмент реальности, который становится предметным полем исследователя, и формирующая систему базовых и индивидуальных категорий для рассмотрения этой реальности.

Й. Шумпетер, возможно, одним из первых актуализирует эту проблему в экономической науке, формируя представление о различных научных видениях. Й. Шумпетер утверждает: «Научная процедура начинается с восприятия взаимосвязанных явлений, которые мы намерены анализировать, и заканчивается созданием научной модели. При этом восприятии набора взаимосвязанных явлений является донаучным действием. Оно должно быть выполнено, чтобы наше сознание получило предмет для научной работы, но само по себе оно не является научным. Однако, будучи донаучным, это действие не является доаналитическим. Оно не заключается в простом восприятии фактов одним или несколькими нашими органами чувств. Эти факты должны быть распознаны как обладающие определенным значением или значимостью, оправдывающей наш интерес к ним, и они должны быть распознаны как взаимосвязанные (чтобы мы могли отделить их от других), а это подразумевает определенную аналитическую работу нашего воображения или здравого смысла. Такую смесь восприятия и донаучного анализа мы будем называть видением или интуицией исследователя» [4, с. 135].

Таким образом, Й. Шумпетер понимает под видением исходную научную онтологию, определяемую им как «донаучный когнитивный акт, который является источником наших идеологий, служит также предварительным условием наших научных исследований. Никакое новшество в науке без него невозможно» [5, с. 13].

Очевидно, что главная проблема онтологии как соответствия между теорией и описываемой ею

реальностью не появляется на пустом месте. Особенно остро она стоит именно в тех науках, где руководствуются формальными методами представления знания. Вполне закономерно, что вслед за физикой и некоторыми другими науками тема онтологии вошла в конце XX в. и в экономическую науку, все более ориентирующуюся на формализацию и, как следствие, фрагментацию экономического знания.

На онтологическом уровне ортодоксальный неоклассический взгляд на реальность предполагает, что области реального и эмпирического практически совпадают. Реальное (фактическое, позитивное) представляет собой интересующие экономиста-теоретика события и положения дел, а эмпирическое – их отражение в человеческой деятельности, опыте, получаемом от них. Изучать можно только видимое, наблюдаемое. Эта позитивистская традиция, ориентирующая исследователя на изучение того, что наблюдаемо и эмпирически проверяемо, закладывалось основателями современной неоклассики. При этом трансформировалось само представление о реальности.

Благодаря Л. Вальрас, производство и распределение были выведены из области рассмотрения экономической науки, ограничивая ее теорией рынков и обменом, принцип методологического индивидуализма, утвержденный К. Менгером, определил сведение всей сложности хозяйственных явлений к простейшим ее элементам, мотивы человеческого поведения предстали в виде функций в работах У.-С. Джевонса. Окончательное оформление неоклассическая парадигма, ставшая типично позитивистской и отрицающей любые философские обобщения и онтологические основания, получила в работах А. Маршалла, где «...функция анализа и дедукции в экономической науке состоит не в создании нескольких длинных цепей логических рассуждений, а в правильном создании многих коротких цепочек и отдельных соединительных звеньев» [6, с. 208].

В итоге в науке закрепилось мнение, что доступным анализу может быть только наблюдаемое и эмпирически проверяемое знание, которое возможно представить в теоретической форме. Этого достаточно для построения теории, которая не нуждается в поиске причинно-следственных связей событий и положения дел [7]. Характерно, что теория в этом случае становится не знанием об объекте, а лишь способом его получения. Этот инструменталистский подход уже отчасти выражен у А. Маршалла, по мнению которого теория представляется как «не совокупность конкретных истин, а мотор, предназначенный для того, чтобы открывать такие истины» [6, с. 212].

Еще более четко эта позиция сформулирована М. Фридменом в работе «Методология позитивной экономической науки» (1953 г.). У М. Фридмена целью позитивной экономической науки было выдвижение теории или гипотезы, которая дает правильные и значимые представления относительно еще не наблюдавшихся явлений. При этом реалистичность любой гипотезы, взятой за основу исследования, не имеет значения, если она способна давать правильные и значимые предсказания. «Вопрос <...> состоит не в том, являются ли они «реалистичными» описаниями <...> а в том, являются ли они достаточно хорошими приближениями к реальности, с точки зрения конкретной цели» [8]. Следовательно, взаимосвязь с реальностью самой теории становится не только не необходимой, а даже излишней.

Подобную онтологию, предполагающую, что эмпирическое отражает реальное, существует то, что эмпирически наблюдается могут рассматривать

только эмпирические наблюдаемые процессы и явления, можно охарактеризовать как своего рода эмпирический реализм. При этом в основе представления о реальном находятся базовые предпосылки, универсальные законы, многократно критикуемые, но, тем не менее, почти не трансформирующиеся, такие как гипотезы о полной рациональности, совершенной информации, отсутствие неопределенности и исторического времени. Это ведет к тому, что эмпирическое воспринимается как реальное, искаженное влиянием множества внешних факторов и потому отклоняющееся от идеальных условий. Следовательно, в теории следует опираться на анализ эмпирического, очищенного от всех возможных влияний, которые противоречат исходным предпосылкам.

Точка зрения, что социальные исследования только выиграют, если в своей основе будут опираться на устойчивую онтологию, более адекватно отражающую точную природу общественного устройства, становится все более распространенной в экономической науке к концу XX в. Практически все альтернативные экономические направления, также, как и исследователи экономической методологии, обращают все большее внимание на природу социального бытия. Одним из таких «онтологических поворотов» является направление критического реализма, начало которому было положено в работах Р. Бхаскара.

Положения критического реализма были впервые применены к естественным наукам и заключались в смещении философского акцента от эпистемологии (исследовании путей получения знания) к онтологии и фокусировались на механизмах, которые являются причиной событий, но не самих событий. В дальнейшем эти идеи были распространены на сферу социальных наук. Экономическая теория обратила свое внимание на идеи критического реализма во многом благодаря работам Т. Лоусона.

Критический реализм основывается на том, что мир вокруг нас существует независимо от нашего знания о нем. Объекты нашего познания (природные объекты, физические процессы или социальные явления) – это константы, неизменные размерности. Тогда как теории и идеи реальности, которые составляют наше знание об этих объектах, – меняющаяся размерность [9]. Это знание социально обусловлено, подвержено ошибкам и развивается с течением времени. Если бы это было не так, то не существовало бы конкурирующих теорий об одних и тех же объектах исследования, а были бы только теории о неизменном реальном мире. В отличие от эмпиризма с его «плоской» онтологией, которая исходит из того, что реально лишь то, что эмпирически наблюдаемо, онтология критического реализма стратифицируема (многоуровневая) и состоит из трех сфер (доминант): эмпирического, фактического и реального (или сущностного, глубинного). Вот как формулируется это Р. Бхаскар в своей работе, положившей начало данному направлению: «События должны происходить независимо от опыта, в котором они выявляются. Структуры и механизмы реальны и отличаются от сочетания событий, которые они порождают; так же, как события реальны и отличаются от опыта, которым они постигаются. Механизмы, события и опыт представляют собой три пересекающиеся области действительности, а именно сферы реального, фактического/действительного и эмпирического» [9, с. 56].

Эмпирическая область представляет собой накопленный человеческий опыт, фиксируемый в виде данных об окружающем мире. Эмпирическое знание

всегда ограничено как установками исследователя об изучаемых процессах и явлениях, так и способностью охватить тот ряд событий и ситуаций, которые он может выявить на основе наблюдений и опыта. На уровне фактического (actual) располагаются события положения дел. Они познаются при помощи анализа явлений, происходящих на эмпирическом уровне, но несводимы к чувственным данным. Сама же реальность намного шире и определяется структурной сложностью самих объектов, взаимодействием внутренних сил в этих структурах, причинных законов функционирования структур которые критические реалисты называют общими порождающими механизмами (см. рис. 1).

Рис. 1. Онтология критического реализма

Эти механизмы, действующие независимо от человеческой деятельности, определяют происходящие события на реальном уровне и управляют течением событий в системе, частью которой они являются. Такие силы и механизмы существуют, даже если не реализуются или могут породить ненаблюдаемые события, если это противодействующие силы – тогда их эффект не обнаруживается эмпирически. «Мир состоит не только из событий и состояний дел и наших впечатлений о них и нашего опыта, а также из основных структур, сил, механизмов и тенденций, которые существуют, и не важно, обнаружены они или нет, управляют или сопутствуют фактическим событиям» [10, с. 86].

На рис. 2 показана модель структур, механизмов и явлений с позиции критического реализма, того как они реализуются в реальном мире сложных, открытых систем, таких как экономическая деятельность.

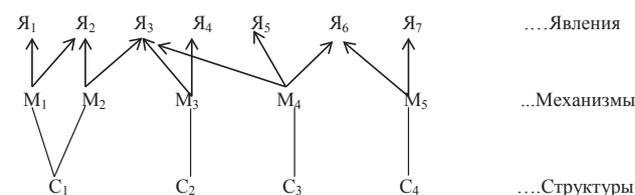

Рис. 2. Структуры, механизмы и явления критического реализма

Когда реальные объекты или структуры активируют свои причинные механизмы, это проявляется через наблюдаемые явления. Природа явлений, которые человек может наблюдать и фиксировать, определяется взаимодействием внутренних причинных механизмов, и, так как сами явления зависят от совокупности условий, они не могут быть надежно предсказуемы. «Конкретный механизм может приводить к совершенно разным результатам в разное время или, наоборот, одно и то же явление может иметь совершенно разные причины» [9, с. 64].

Например, наблюдаемое явление $Я_7$ возникает, когда объект C_4 активизирует порождающий это явление механизм M_5 . Однако активация того же меха-

низма (M_5) может привести и к другому явлению (Y_6), вызываемому механизмом (M_4), который активируется совершенно иной структурой (C_3). Поскольку в случае действия одного и того же причинного механизма могут быть получены различные результаты, то обобщения, основанные на частоте наблюдаемых событий, могут быть ошибочными.

Таким образом, научная проблема заключается в определении структур и механизмов, которым подчинена конкретная реальность и объяснении формы этого взаимодействия.

Предлагаемая критическим реализмом онтологическая перспектива обуславливает ряд существенных критических замечаний к методологическим ориентирам ортодоксальной экономической теории. В первую очередь это методологический дедуктивизм, следствием которого является ориентация на исследование замкнутых систем и претензии на возможность выявления экономических законов.

Дедуктивизм. Если опираться на онтологию эмпирического реализма, согласно которой наблюдаемое адекватно реальному, а знание может быть получено из наблюдений и фиксирования эмпирических данных, то достаточно предположения о том, что «наблюдаемое событие или положение вещей можно вывести, дедуцировать из набора начальных или граничных условий и универсальных законов, то есть упорядоченностей или постоянных связей, которые формулируются следующим образом: «Если происходит событие (X), то всегда происходит событие (Y)» [10, с. 81].

Таким образом, достаточно исходного предположения и ряда наблюдений, чтобы вывести связь между X и Y . Характерно, что реалистичность или качество исходной гипотезы при этом может не иметь никакого значения. Она может быть основана на здравом смысле, очевидности или просто убежденности ученого в собственной правоте. В любом случае возможно оправдание этой гипотезы тем или иным способом. Достаточно четко эта мысль была выражена Л. Мизесом: «Если обнаруживается противоречие между теорией и опытом, мы всегда должны предполагать, что не выполнялись условия, принятые теорией, или в наших наблюдениях какая-то ошибка <...> Никакой опыт никогда не может заставить нас отвергать или модифицировать априорные теоремы» [11, с. 321]. Иными словами, истинность и качество знания ставится в зависимость от первоначально принятых гипотез.

В отличие от дедуктивистского способа выводов и в соответствии с онтологической установкой критического реализма, любая система, тем более социально-экономическая, представляется как истинно сложная открытая система, поскольку невозможно определить точные взаимозависимости между наблюдаемыми событиями. «Наблюдаемые события не объяснимы из других наблюдаемых событий, но могут быть описаны в терминах базовых структур, их причинных сил, механизмов, посредством которых они проявляются и тенденций, которые они генерируют» [9, с. 78]. Это движение мысли от конкретной реальности в глубь, от эмпирического и наблюдаемого к его причинным силам и механизмам есть способ вывода, называемый критическими реалистами, абдукцией. Ввел это понятие Ч. Пирс, которое означает переход исследователя от некоторого фактического утверждения к закону (механизму), в результате действия которого то или иное событие произошло. Именно абдукция с позиции критического реализма может обеспечить понимание реальности не зависимо от исходных взглядов и убеждений исследователя.

Результатом дедуктивизма становится ориентация на построение *замкнутых систем*, аналогичных закрытым экспериментальным системам в естественных науках. Здесь изначально принятая гипотеза «отбирает» эмпирические данные, отвечающие ей, которые затем интерпретируются в соответствии с заданными ею условиями. В контексте неоклассической ортодоксии «условие внешней закрытости выполняется, если действия каждого агента рассматриваются внутри изолированного и обычно весьма ограниченного набора условий. Важно отметить, что если рассматриваются совокупность агентов и их взаимодействия, то модель обычно представляется как экономика или игра в целом, то есть как некая полностью описанная и физически изолированная система» [10, с. 89]. Проблема, однако, в том, что социально-экономические процессы, это почти всегда открытые системы, в которых закономерности событий не проявляются повсеместно. В «Теории реалистической науки» Р. Бхаскар, рассматривая эффективность экспериментальной деятельности, указывает, что «можно предположить, что на самом деле механизмы, которые порождают явления, реально независимы от явлений, которые они порождают, они действуют всегда, в том числе вне пределов закрытых условий проводимых экспериментов, которые позволяют нам эмпирически определить их» [9, с. 13].

Законы. В рамках своей онтологии, ортодоксальная экономическая теория претендует на выведение универсальных законов, которые могут быть ничем иным, как отдельными регулярностями и корреляциями, то есть связями между событиями и объектами на уровне эмпирического. Действительно, закономерности типа «событие X всегда вызывает событие Y » могут наблюдаться на эмпирическом уровне в анализируемом пространственно-временном диапазоне, и большое количество наблюдений это подтверждает. Но это может быть лишь локальной тенденцией, как следствия определенной реализации порождающих механизмов, и это вовсе не значит, что исследователь наблюдает общую тенденцию, поскольку в определенный момент могут включиться другие механизмы, реализация которых изменит и эмпирическую связь. «Поскольку эти механизмы могут быть активированы, а могут и не быть, активированными могут породить или не породить наблюдаемое событие, они должны быть проанализированы с позиции тенденции, необходимости, достаточности и потенциала. Это нужно не только, чтобы выяснить, были ли они причиной события, а также и для того, были ли они достаточными сами по себе, чтобы вызывать событие, и что может произойти, если они активируются снова» [9, с. 129]. Если же учесть, что социально-экономическая система может демонстрировать эмерджентность, а преднамеренные действия субъекта в обществе могут вести к разным результатам в зависимости от компенсационных или усиливающих механизмов в виде общественных институтов, внутри которых субъект действует, то выявление связей между реальным и эмпирическим возможно исключительно в виде тенденций, но не законов.

Выводы. В своих основных программных положениях критический реализм показывает, что пренебрежение анализом фундаментальных онтологических уровней реальности приводит к непониманию действительной ситуации, поскольку анализируются лишь последствия взаимодействия глубинных механизмов, не позволяющие дать универсальные объяснения наблюдаемым явлениям, основываясь на их причинах. В свою очередь, это может привести

к вводящим в заблуждение выводам из построенных таким образом теорий. Онтологическая установка критического реализма на выявление сущностных структур и механизмов, управляющих общественным развитием, отчасти совпадает с положениями традиционного институционализма, выделяющего институты в качестве исходных структур экономической эволюции, так же, как и с точкой зрения пост-марксистского направления, согласно которой механизмы межклассового взаимодействия являются главной причиной общественного развития. Определение онтологических оснований марксизма и институционализма в контексте положений критического реализма должно стать дальнейшим направлением данного исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Куайн У. С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков / У. Куайн; пер. с англ. – Томск: Томский университет, 2003. – 166 с.
2. Доброхотов А. Категории бытия в классической западноевропейской философии / А. Доброхотов. – М.: МГУ, 1986. – 248 с.
3. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий / Г. Риккерт. – СПб.: Наука, 1997. – 532 с.
4. Хаусман Д. Философия экономики. Антология / Д. Хаусман; пер. с англ. – М.: Институт Гайдара, 2012. – 520 с.
5. Ананьин О. Онтологические предпосылки экономических теорий / О. Ананьин. – М.: Ин-т экономики РАН, 2013. – 50 с.
6. Маршалл А. Принципы политической экономии: в 3-х т. / А. Маршалл; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1984. – Т. 1. – 416 с.
7. Мирясов Ю. Методология в контексте смены экономических парадигм / Ю. Мирясов // Вісник ХНУ. – 2007. – № 779 – С. 33–37.
8. Фридмен М. Методология позитивной экономической науки / М. Фридмен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://methodology.chat.ru/friedman>.
9. Bhaskar R. A realist theory of science: 2-nd edition / R. Bhaskar. Hassocks: Harvester Press, 1978. – P. 207.
10. Лоусон Т. Современная «экономическая теория» в свете реализма / Т. Лоусон. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elib.org.ua/economics/ua_show_archives.php?archive.
11. Худокормов А. История экономических учений: [учебник] / А. Худокормов. – Ч. 2. – М.: МГУ, 1994. – 418 с.

УДК 33.012.3+338;246

П'ясецька-Устич С.В.
кандидат економічних наук, доцент,
доцент кафедри економічної теорії
Ужгородського національного університету

КОРУПЦІЯ В СИСТЕМІ ТІНЬОВИХ ЕКОНОМІЧНИХ ВІДНОСИН

У статті проаналізовано суть корупції як системоутворюючого фактора тіньової економіки, досліджено її вплив на соціально-економічну систему суспільства. Виявлено і обґрунтовано причини розвитку та форми прояву корупційно-тіньових відносин, запропоновано алгоритм протидії корупції та тіньовій економіці з боку держави і суспільства. Проведений аналіз дає змогу зробити висновок, що корупційно-тіньові відносини – це системні проблеми розвитку національного господарства, які не тільки є загрозою національній безпеці, але й створюють виникнення мультиплікативного негативного впливу на соціально-економічну систему суспільства.

Ключові слова: корупція, тіньова економіка, корупційно-тіньові відносини, деформація соціально-економічної системи суспільства.

Пясецкая-Устич С.В. КОРРУПЦИЯ В СИСТЕМЕ ТЕНЕВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В статье проанализирована суть коррупции как системообразующего фактора теневой экономики, исследовано ее влияние на социально-экономическую систему общества. Выявлены и обоснованы причины развития и формы проявления коррупционно-теневых отношений, предложен алгоритм противодействия коррупции и теневой экономике со стороны государства и общества. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что коррупционно-теневые отношения – это системные проблемы развития национального хозяйства, которые не только являются угрозой национальной безопасности, но и создают возникновение мультипликативного негативного влияния на социально-экономическую систему общества.

Ключевые слова: коррупция, теневая экономика, коррупционно-теневые отношения, деформация социально-экономической системы.

Pyasetska-Ustych S.V. CORRUPTION IN THE SYSTEM OF SHADOW-ECONOMIC RELATIONS

The article analyses the nature of corruption as a system-creating factor of the shadow economy and investigates its influence on the socio-economic system of society. The article sets out and analyses both the causes and the forms of corrupt relationships, and suggests an algorithm for government and society countering such corrupt aspects of the economy. The analysis shows that the shadow relations are a systemic problem in the development of national governance, which threaten not just national security but also create an increasingly negative influence on the socio-economic system of society.

Keywords: corruption, shadow economy, corruption-shadow relations, deformation of the socio-economic system in society.

Постановка проблеми. Проблема корупції супроводжує розвиток людської цивілізації вже не одне століття, однак за весь цей час, незважаючи на загальне засудження корупційної діяльності, визнання масштабності заподіяної нею шкоди, суспільство так і не змогло справитися з цією серйозною проблемою. Для України проблема корупції за останні роки значно загострилася, здійснюючи суттєвий вплив на

політичне, економічне та соціальне життя країни і поставивши під загрозу розвиток та існування української держави.

На міжнародному рівні Україна набула репутації надзвичайно корумпованої держави, про що свідчить її високий рейтинг за рівнем корумпованості.

Актуальність теми дослідження зумовлена низькими результатами боротьби з корупцією в Україні